

К ПРОБЛЕМЕ ФЕНОМЕНА МАНИХЕЙСТВА В КИТАЕ

1. Манихейство, вне всякого сомнения, является одним из уникальных религиозно-философских феноменов, интерес к которым ученых вынуждает последних создавать целые междисциплинарные отрасли исследований; причин же уникальности этого явления несколько. Первая, и, пожалуй, самая главная — это то, что манихейство, будучи, по сути, маргинальным вероучением (классифицируемым как «ересь» равным образом и в регионах распространения авраамитических религий, — в частности, христианства и ислама, — и в Иране, где господствовал зороастризм, и собственно в Китае, с преобладанием там буддизма), смогло со временем выйти на уровень мировых религий, с той лишь разницей, что стало именоваться «мировой ересью» [Смагина 1998, 44]. Вторая причина, по-видимому, не менее важная, чем первая, состоит в том, что манихейство представляло из себя учение синкретического характера (вслед за отечественным исследователем Е.Б. Смагиной под термином «синкретический» по отношению к манихейству мы понимаем не механический «сплав» разнородных элементов, но непротиворечивую и в целом последовательную систему религиозно-философских взглядов), сочетавшее в себе философско-религиозные воззрения зороастризма (бинарная оппозиция Света и Тьмы), этико-догматические установки неортодоксального иудаизма (элхасайты) и раннего христианства (аскеза, ритуальная чистота, установление института монашества, иерархическая структурированность), космолого-антропологическую модель некоторых позднеантичных философских направлений и гностицизма (в его сирийском варианте), буддийскую концепцию реинкарнации (некоторые исследователи допускают не буддийское, а скорее античное происхождение идеи перевоплощения, т.н. «метемпсихоз»). Третьей причиной, заставившей ученых разных направлений (от филологов-классиков и востоковедов до историков и религиоведов) тщательнейшим образом исследовать феномен манихейства, стала, на наш взгляд, его необычайная адаптивность, некоторая «смазанность» границ, легко позволявшая этому религиозно-философскому учению инкорпорироваться в некоторые гетеродоксальные направления буддизма, даосские секты и тайные общества в Китае, а в Средние века на Западе трансформироваться в еретические, правда, но весьма «серьезные» (как по своему размаху, так и реакции официальных церковных и светских властей) течения катаров, богомилов и пр. Благодаря «переводимости» своих основных концептов и персоналий на язык культуры «окоормляемой», если так можно выразиться, страны, манихейство довольно быстро внедрялось преимущественно в низшие слои населения, не забывая при этом и о т.н. миссионерстве «сверху», т.е. пытаясь добиться благорасположения

официальных властей (что удалось, в частности, в Китае: вынужденные считаться со статусом манихейства как религии «освободителей»-уйгуров, власти отдали в 768 г. приказ о строительстве манихейского храма, которому было пожаловано название «Даюнь гуанмин» — «Великий облачный свет»).

Собственно «манихееведение» (manichaeology) — таков неофициальный, но признаваемый всеми титул данной дисциплины, точнее междисциплинарного комплекса — в том виде, в каком оно представлено сейчас, сформировалось в середине – второй половине XX века, в основном благодаря недавним археологическим открытиям (Восточный Туркестан, пещеры Дуньхуана, Мединет Мади). Что же касается научного изучения манихейства (в отличие от т.н. ересиологических и полемических произведений средневековых христианских, — среди которых не последнее место занимает блаженный Августин, в молодости сам бывший манихеем, — и мусульманских авторов, окрашенных в соответствие с жанром в черные тона и представляющих весьма субъективную картину), то первым исследователем данного феномена был француз И. де Бособр (Beausobre) в середине XVIII века. До последних археологических открытий исследователи практически не обладали оригинальной источниковедческой базой, обращаясь к второстепенным источникам (трудам ересиологов и полемистов). Картина изменилась, когда в результате турфанских экспедиций 1898–1916 гг. были открыты аутентичные манихейские тексты (большинство — во фрагментарном состоянии, относящиеся en masse к VIII веку), написанных преимущественно на среднеперсидском, парфянском, уйгурском и согдийском языках и представляющих собой памятники гимнографического, литургического, агиографического и церковно исторического характера [Смагина 1995, 86]. Изданием и исследование этих текстов занимались и занимаются такие видные специалисты, как Ф. Мюллер (Müller), М. Бойс (Boyse), А. фон ле Кок (von le Coq), П. Асмуссен (Asmussen) и другие. Практически одновременно с открытием турфанских текстов в 1905 г. сэром Аурелом Стейном в результате раскопок в Дуньхуане были открыты манихейские тексты на китайском языке, изданием и исследование которых занимались крупные французские синологи П. Пеллио (Pelliot) и Э. Шаванн (Chavannes)¹. Немецкими исследователями Э. Вальдшмидтом (Waldschmidt) и В. Ленцем (Lentz) были опубликованы китайские манихейские гимны.

В начале 30-х гг. XX века была найдена т.н. «коптская библиотека из Мединет Мади», шесть книг из которой содержали толкование на учение Мани, псалмы, письма Мани (подробнее см. [Смагина 1998]). В 1975–1982 гг. был опубликован и переведен «Кельнский кодекс» (Codex Coloniensis), содержащий житие Мани.

---

¹ Нелишним будет заметить, что основатель современной отечественной китаистики академик Алексеев называл издание манихейского трактата Пеллио и Шаванном образцовой работой китаистов: «Необычный для китаеведа текст, каждое примечание — целое будущее исследование, сочетание глубоко исследования с блестящим изложением...». — В.М. Алексеев. Наука о Востоке, М., 1982. С. 354).

Такова источниковедческая база, все тексты которой в той или иной степени важны для изучения и реконструкции манихейской доктрины, биографии основателя этого учения и истории манихейской «церкви». Ценность их очевидна еще и потому, что (как справедливо отметила отечественная исследовательница коптских манихейских текстов Е. Смагина) в манихействе текст «играл основополагающую роль *с самого начала* (курсив наш — *Авт.*)» [Смагина 1995, 85]. Разумеется, новооткрытые тексты не равноценны: например, турфанские тексты обширнее и разнообразнее коптских, но по сравнению с ними и более фрагментарны (не говоря уже о позднем периоде, в который они были написаны). Ересологические христианские и мусульманские источники более систематичны и связны, хотя зачастую и недостоверны (или вообще смешивают манихейство с не относящимися к нему ересями и сектами). Китайские тексты, интересующие нас, обладают определенной доктринальной ценностью, хотя и претерпели буддийское влияние. Еще раз хочется подчеркнуть ту важную, если не сказать ведущую роль, которую в манихействе играл текст: само учение было сформировано на основе текстового материала.

Касательно научного изучения манихейства следует отметить то, что было сказано выше: разрозненность документов и источников, так или иначе связанных с манихейством, большой географический размах распространения этого учения требовали (и требуют) участия в исследовании ученых достаточно разных направлений, что дает все основания назвать «манихееведение» междисциплинарным комплексом. Важным фактом (можно даже сказать — исторической вехой) в изучении манихейства стало издание «Словаря манихейских текстов» (*The Dictionary of Manichean Texts*) в трех томах, предпринятое коллективом ученых под руководством профессора Н. Симс-Уильямса в 1999 году при финансовой поддержке Фонда исследований в области гуманитарных наук и искусства (*Arts and Humanities Research Board*). В первом томе были учтены тексты на латинском, греческом, коптском и сирийском языках. Том второй включает тексты из Ирака и Ирана (тексты и цитаты на сирийском, арабском языках и на зороастрийском пехлеви). Третий том содержит тексты, обнаруженные в Центральной Азии и в Китае (на средне- и новоперсидском (фарси), парфянском, согдийском, бактрийском, древнетюркском, тохарском, и, разумеется, китайском языках). В конце последнего тома прилагается сводный индекс, позволяющий находить персоналию или термин на любом из вышеупомянутых языков по всем трем томам. В дальнейшем предполагается выпуск словаря на электронных носителях (т.н. «CD-ROM-версия»).

В нашей стране начало изучения манихейства было положено Залеманном, правда, на немецком языке. Тема манихейства в Китае затрагивалась видным отечественным синологом о. Палладием (Кафаровым) в его очерке «Старинные следы христианства в Китае по китайским источникам» (1877 г.). Более обстоятельные исследования были проведены уже в XX веке, в частности, Л.В. Дмитриевой (перевод и исследование

древнетюркского манихейского текста «Хвастванифт», 1963 г.), Е.Б. Смагиной (перевод и исследование коптских «Глав» (Кефалайа)), статьи А.И. Сидорова и В.Г. Луконина.

В целом же тема манихейства и сопряженные с ней исследования (как общего, так и частного характера) не достигли пока еще в нашей стране такого уровня, какого достигло манихееведение на западе. Остаются непереуверенными на русский язык и неисследованными многие из упомянутых выше текстов, и в этом отношении можно лишь повторить слова Е.Смагиной: «для дальнейших исследований в этой области (т.е. изучении манихейства — *Авт.*) прежде всего необходима текстологическая работа с привлечением не только манихейских данных, но и материалов по другим религиям и философским учениям, с которыми соприкасалось манихейство. Многие подобные возможности еще не полностью использованы» [Смагина 1995, 103].

2. Источники в большинстве своем сильно расходятся по вопросу о дате рождения Мани, что заставило различных исследователей (В. Хеннинга, С.Х.Тагизаде, А.-Ш. Пюэш, О. Клима и др.) всерьез заняться изучением и сопоставлением сведений, приводимых в источниках. В результате исследования стала очевидна достаточно точная дата рождения основателя манихейства — 14 апреля 216 г. (согласно «Краткому изложению учения Мани Будды света» — в «восьмой день второго месяца тринадцатого года царствования под девизом Цзянь-ань императора Сянь-ди из династии [Восточная] Хань», т.е. 12 марта 208 г. н.э.). Парфянская держава к этому времени перестала быть централизованным государством — на окраинах и в коренных иранских областях «сидели полунезависимые, а порой и полностью самостоятельные правители» [ИстВост т.2, 23]. Страну, помимо всего прочего, раздирали внутренние смуты. Отличительной особенностью этого периода является религиозный плюрализм (наряду с зороастризмом существует христианство, гностицизм, митраизм, иудаизм и даже буддизм), создавший, вне всякого сомнения, благоприятную почву для зарождения манихейства — мировоззрения, как уже было сказано выше, исключительно синкретического. Мани родился в Вавилонии, в семье последователя элхасаитского учения по имени Патик (в китайской версии Ба-ди). Некоторые источники (в частности китайские) приписывают отцу (а иногда и матери) царское происхождение («Краткое изложение...» называет Патика-Ба-ди правителем «царства Су-линь»), хотя большинство исследователей оспаривает это, полагая, что подобная «романтизация» образа Мани является позднейшей интерполяцией, подражающей царскому происхождению основателей мировых религий — Будды и Иисуса Христа.

Мани воспитывался в иудейско-христианской общине элхасаитов, отличавшихся крайним аскетизмом, проповедью безбрачия и вегетарианства. Прожив в общине примерно до возраста 24 лет, Мани пережил озарение — ему явился небесный «близнец», божественный двойник, сообщивший, что он призван принести в мир настоящую, изначальную религию универсального характера (примечательно, что «Краткое изложение...»

говорит о ниспосланном божествами Солнца и Луны духе, наделившем все тело Мани благодатью света). Проповедь новоиспеченного пророка была встречена единоверцами весьма враждебно, в результате чего он вынужден был покинуть общину. За ним последовали отец и несколько его товарищей. С этого началась его миссионерская деятельность: сначала он посетил Селевкию-Ктесифон, затем Армению, Северную Индию, после чего вернулся обратно в Иран. Это путешествие, длившееся два года (240–242), принесло Мани новых последователей и стимулировало его к написанию нескольких книг. За этим следует успешная проповедь при дворе Шапура I, в результате которой Мани был наделен охранной грамотой, позволявшей проповедь во всех областях империи.

Впрочем, фавора длилась недолго, и по наветам зороастрийского жречества, крайне негативно отнесшегося к молодому пророку, Мани вынужден покинуть двор. В этот «придворный» период он написал единственную книгу на среднеперсидском языке — «Шапуракан», излагавшую основы учения непосредственно самому Шапуру I (откуда и название). После разрыва отношений с царем Мани предпринимает второе длительное путешествие в Индию.

После прихода к власти Бахрама I, бывшего ревнителем зороастризма, Мани схватывают и бросают в темницу. Пробыв там примерно месяц, забитый в колодки и закованный в цепи, Мани умирает (существует версия его мученической кончины; наиболее достоверная дата — 20 марта 276 года, китайский источник говорит о «четвертом дне первого месяца второго года царствования династии Цзинь под девизом Тай-ши»).

После смерти Мани, манихейскую церковь возглавляет его ученик и приемник Сисиний, погибший в результате гонений; его сменил другой ученик Мани — Иннай. В период V–VI вв. манихейство переживает раскол. Распространение его имело широкий размах: в VI веке общины имеются в Риме, Сев.Африке, Греции, Испании, Италии, Галлии; на Востоке они распространены по всей Сасанидской империи, в Центральной Азии и, наконец, в Китае, где манихейство просуществовало до XIV века.

3. Теперь следует подробнее остановиться на том, что же собственно представляет из себя эта религиозно-философская система. Реконструкция учения Мани основывается как на первоисточниках (о которых речь пойдет ниже), так и на сведениях авторов антиманихейской направленности. У последних вероучение изложено более систематично и сжато. Манихейский канон составляют семь книг, написанных по преданию самим Мани на арамейском языке (исключение составляет упоминавшийся выше «Шапуракан», составленный на среднеперсидском). Ни одна из приводимых в перечне книг не дошла полностью, а сохранилась лишь во фрагментарном состоянии. Обычно манихейский канон перечисляется в следующем порядке:

I. «Живое евангелие» — основной труд по манихейской космогонии (в китайском варианте — «*Да ин лунь*, в переводе значит «Канон премудрости, постигающей корни всего сущего»);

II. «Сокровищница (либо: «Сокровище») жизни», посвященная очищению света от мрака в душе человека и носящая сотериологический характер (в китайском варианте — «*Сюнь ти хэ*, в переводе значит «Канон сокровища чистой жизни»);

III. «Прагматейя» (греч. «Трактат»), содержание которой остается неизвестным, т.к. от этого труда не сохранилось никаких цитат или фрагментов (в китайском варианте — «*Бо цзя ма ди е*, в переводе значит «Канон изъяснения и доказательства прошлых воплощений»);

IV. «Книга таинств» носит экзегетический и полемический (против еретика Вардесана) характер (в китайском варианте — «*А ло цзань*, в переводе значит «Канон-сокровищница тайного учения»);

V. «Книга исполинов», являющаяся одной из версий ветхозаветного апокрифа «Книги Еноха» (в китайском варианте — «*Цзюй хуань*, в переводе значит «Канон исполинов»);

VI. «Послания» Мани к различным лицам, содержащие толкования и ответы на различные вопросы (в китайской версии, вероятно, «*Ни вань*, в переводе значит «Канон-сокровищница уставов», еще она называется «Канон-сокровищница исцеления»);

VII. «Псалмы» (в китайском варианте — «*А фу инь*, в переводе значит «Канон гимнов и обетов»).

Кроме этого «семикнижия» существовали и другие книги: упомянутый выше «Шапуракан», книга «Ардханг» (Образ), содержащая иллюстрации самого Мани к разным положениям вероучения (возможно идентифицировать его с упоминаемым в «Кратком изложении...» «*Да мэн хэ и*, в переводе значит «Скрижаль двух великих начал»). Дошли до нас и фрагменты некоторых малоизвестных и не упоминаемых ересеологами книг: коптские «Главы» («Кефалайя»), «Гомилии», тюрский «Хвастванифт» и др.

Реконструкция учения Мани разными исследователями осуществляется по разным источникам (Е.Смагина, например, реконструирует учение на основе сведений из коптских рукописей), однако наиболее систематичным и точным считается «Книга схолий» несторианского епископа Феодора бар Кони [Lieu 1985, 9], поскольку она составлена на сирийском языке и ближе всего стоит к исходной версии (т.к. Мани писал на арамейском диалекте Вавилонии).

Как гласит «Краткое изложение учения Мани Будды света» [Линь Ушу 1997, 285], «изначально различаются два начала. Тот, кто стремится уйти от мира, должен знать о Свете и Мраке [как о двух] началах», сущности которых полностью отличны друг от друга. Далее, он должен знать, что существует три периода: изначальный, средний и грядущий. Итак, космическая «драма» с участием двух начал разыгрывается в рамках трех этих времен.

В изначальное время, когда еще не было ни неба, ни земли, существовали только два начала — доброе (обитающее в области Света и именуемое Отцом Величия) и злое (пребывающее в Области Тьмы и называемое Властителем Мрака). Отец Величия обладает божественными

качествами и его престол окружают двенадцать Эонов (божественных эманаций), разделенных на три группы по четыре Эона. От них исходят Эоны Эонов, всего числом 144. В качестве супруги Отца Величия выступает Живой Дух, вдыхающий жизнь в Область Света, состоящую из пяти элементов (воздух, ветер, свет, вода и огонь).

Областью мрака владеет Владыка Тьмы, персонификация злого начала. Область поделена на пять миров — мир дыма, населенный двуногими демонами, мир огня — четвероногими, мир ветра — крылатыми, мир воды — плавающими и мир тьмы — пресмыкающимися. Каждый из этих миров (ср. буддийский миры духов-прета, скотов и пр.) управляется архонтом-правителем, имеющим облик соответственно демона, льва, орла, рыбы и дракона. Наименование «Владыка Тьмы» служит общим обозначением этих пяти архонтов (некоторые источники описывают его как «пятиобразное» существо с головой льва, телом дракона, хвостом рыбы, крыльями птицы и ногами осла). В целом, злое начало символизирует Материю. Необходимо заметить, что топография двух областей (тьмы и света) вертикальная: свет вверху, тьма внизу. Область света простирается на север, запад и восток (и, соответственно, вверх), тогда как область мрака занимает юг и низ. Демоны одного из миров Области мрака увидели Область света и возжелали смешаться со светлым началом. Вся Материя, обозначаемая как силы Тьмы, устремилась к Области света. Этим нападением было начато среднее, т.е. настоящее время.

Для отражения натиска Материи Отец Величия производит из себя группу божеств, в числе них — Первочеловека, который и нисходит в область, захваченную силами тьмы. Отгеснив тьму-материю, Первочеловек сам «заражается» ею, в результате чего возникает необходимость своеобразного «апокатастасиса», т.е. очищения и восстановления изначальной и нарушенной в результате соприкосновения с мраком-материей гармонии в Первочеловеке (=человечество). Во имя спасения божественной природы души человека к нему посылается Иисус Света (в сирийской версии), просвещающий и наставляющий человека, давая ему заповеди (среди которых, между прочим, и запрет на деторождение: порождая детей, по учению Мани, человек рассеивает сконцентрированные в нем частицы света). Итак, Материя-тьма (=тело) является оковами и злейшим врагом души, олицетворяющей свет. Идет борьба Света и тьмы в самом человеке, который может спастись только следуя наставлениям божественного посланца-Нуса (Ума, Иисуса Света, затем самого Мани).

Структура манихейской общины такова: верующие делятся на две категории — «избранники», выбираемые в руководители манихейской церкви, и «слушатели», составляющие основное ядро верующих. Манихейская иерархия следующая: во главе стоит Учитель (ученик Мани), затем 12 апостолов, 72 епископа, 360 старейшин («пресвитеров») и, наконец, «слушатели», рядовые верующие. «Избранники» выполняли роль «божественных посредников», отправляя таинства, следя за выполнением предписанных заповедей, тогда как «слушатели» «обслуживали» их. После

смерти, по представлениям манихеев, души «избранников» сразу вознесутся в Область Света и займут там должное место в почете и славе, а души «слушателей» вынуждены будут пройти круг реинкарнации, воплотившись сперва в тела животных, а затем — растений, и только потом — в тела «избранников». Не-манихеев ждет вечное проклятие.

Финальный момент космической драмы, последнее, будущее время носит эсхатологический характер. После окончательного отделения света от тьмы война прекратится и оба начала займут свое исходное, независимое друг от друга положение (в «Кратком изложении...» это звучит так: «истина и ложь вернутся к [своим] истокам: свет вернется к Великому Свету, а тьма также вернется к Древнему Мраку. Два [эти] начала восстановятся, оба вернутся [к своему изначальному состоянию]»). Вот вкратце очерк манихейской доктрины. Как можно видеть, она носит эклектический характер, содержа и переработав в себе элементы гностицизма, христианства, буддизма и зороастризма, и представляет собой, как было отмечено выше, синкретическое учение, разнородные элементы которого «складываются в целостную, непротиворечивую систему» [Смагина 1995, 94].

4. Теперь перейдем непосредственно к интересующей нас теме — манихейству в Китае. Современные исследователи манихейства в Китае располагают открытыми в начале XX в. рукописями на китайском языке, благодаря чему собственно и было начато изучение этого религиозно-философского феномена именно на китайской почве. Рукописи были обнаружены в Дуньхуане в пещерном комплексе среди множества буддийских манускриптов, спрятанных здесь с целью сохранить ценные трактаты от тангутских мародеров. Французский исследователь Поль Пелльо опубликовал небольшой фрагмент манихейского текста на китайском языке, содержащий общие правила управления и организации общины. Более пространственным документом является трактат, посвященный манихейской космогонии (Пелльо опубликовал его совместно с Эдуардом Шаванном). Позднее были открыты два китайских манихейских текста с молитвами, а также так называемый «Компендиум» (Мони гуанфо цзяофа илюэ — Краткое изложение вероучения Мани — Будды света), содержащий основные сведения по структуре манихейской общины и излагающий основы вероучения. Относительно характера этих текстов среди исследователей нет единого мнения, хотя в целом можно выделить два направления: те, кто считает, что автор(ы) этих трактатов не были китайцами (С.Лю), и те, кто полагает, что произведения написаны не только китайцами-манихеями, но еще имеют свой авторский стиль (Линь Ушу).

Западные исследователи (в частности, Сэмюэл Лю) говорят о «восточной трансформации манихейства», подразумевая под этим ассимиляцию (читай «подстройку») под автохтонные религиозные системы тех регионов, где проповедовалось манихейство. Эта «трансформация» началась еще при жизни Мани. В Китае ассимиляция (хотя правильнее в данном случае говорить об инкультурации) происходила по двум основным векторам — буддизм (в частности — использование терминологии) и

даосизм (апелляция к т.н. про-даосскому (вопрос о его происхождении пока еще не решен окончательно; исследователи склоняются к версии о том, что это произведение было сфабриковано буддистами) трактату «Лао-цзы хуаху цзин» — «Трактат о том, как Лао-цзы проповедовал варварам»). Разумеется, подобные методы (например, заявление манихеев о том, что истинный Будда — это пророк Мани) вызывали со стороны буддизма резкие нападки и критику (буддизм поспешил «откреститься» от новоиспеченных «собратьев», каковыми пытались представить свое учение манихеи, и записал их в ряды *vaidao*, т.е. еретиков). С даосизмом дело обстояло сложнее, поскольку он был менее иерархически структурирован, что, соответственно, давало для манихейства *much room for manoeuvre*. В целом, нужно отметить, что по сравнению с зороастризмом и несторианством манихейство было гораздо более успешным, о чем говорит хотя бы такой факт — оно продержалось в южных областях Китая до XVI в., причиной чего была удачная инкультурация.

Свой путь в Китай манихейство начинает через Трансоксианию в период с IV до VII вв. сохранилась легенда о беседе манихейского апостола Мар Аммо с духом-стражем Багардом, который заявил, что в землях, находящихся под его покровительством, нет недостатка в людях, подобных Мар Аммо. На это апостол, наученный явившимся ему во сне Мани, ответил, что он — посланец истинной веры, после чего дух границы пропустил его. В седьмом веке на востоке действительно имелась отделившаяся в результате раскола манихейская община, считавшая своим «историческим» основателем Мар Аммо. Прекратив контакты с вавилонской общиной, «восточное отделение» продолжало миссионерскую деятельность к востоку от Амударьи и, по всей видимости, частично касалось границ Китая.

Земли, лежавшие к северо-востоку от Амударьи, были известны грекам как Согдиана уже со времен завоеваний Александра Великого. Ко времени миссионерской деятельности Мар Аммо Согдиана служила торговой артерией между Китаем и землями к западу от Памира. Согдийцы поставляли шелк из Китая и некоторые товары (например, лошадей) в Китай. Помимо товаров согдийцы были «переносчиками» культуры и религий. Столицей Согдианы был Самарканд, где по-видимому имелось несколько манихейских общин. Именно в течение этого периода (IV–VII вв.) восточный вариант манихейства усвоил и впитал в себя многие элементы буддизма, что подтверждается частым использованием буддийской лексики в манихейских текстах.

Конец шестого — начало седьмого веков характеризуется как консолидацией Китая при династиях Суй и Тан, так и связями с Персией и Центральной Азией (после падения Сасанидской династии многие знатные персы бежали в Китай). Что касается согдийцев, то они играли роль посредников в торговых и дипломатических отношениях между Китаем и Персией, хотя нельзя сказать, что правители Самарканда испытывали симпатию к манихейству (тем не менее, как уже было сказано, манихейские общины здесь имелись, а соседний правитель уйгуров был обращен в

манихейство и оказывал поддержку ему в Самарканде). Во всяком случае, несомненным остается тот факт, что начало манихейской миссии на востоке тесно связано с подъемом торговли в шестом веке. Первые контакты манихейства с Китаем осуществлялись при посредничестве согдийцев, принимавших участие в роли толмачей в различных торговых операциях. Китайская манихейская традиция сохранила предание о том, что распространение этой религии относится к периоду правления Танской династии (конкретнее, в период с 650 по 683 гг.), хотя официальное первое появление манихейского проповедника Михр-Ормузда относится ко времени правления императрицы У Цзэтянь (684–704 гг.), когда он изложил ей суть учения и книг священного канона. Ряд волнений в Шести провинциях в 721 г. заставил китайское правительство внимательнее следить за иноземцами и их общинами, что накладывало на манихейство ограничение в распространении только среди иноземцев (в 731 г. манихейские священнослужители были вызваны ко двору и принесли с собой текст *summa theologiae* манихейского вероучения, ныне известного как «Краткое изложение вероучения Мани, Будды света» (*Мони гуанфо цзяофа илюэ*)). Учение «Момони» (т.е. *мар Мани*, владыки Мани) было признано еретическим и несправедливо именуящим себя учением буддийским, впрочем «как последователи учителя западных варваров, они живут по своим уставам и не заслуживают наказания» [Кафаров 1877/2001, 74].

До девятого века (т.е. до периода гонений) манихейство существует на легальных условиях, причиной чему явилось восстание Ань Лушаня (755 г.) и последовавшая за ним продолжительная борьба за обе столицы — Лоян и Чанъань. Мятеж был подавлен с помощью «варварских» войск (в т.ч. уйгурской конницы), освободивших в 762 г. Лоян (примечательно, что среди встречавших победителей был и согдийский манихейский священнослужитель). Уйгурский Бёгю-хан исповедовал манихейство и таким образом танское правительство вынуждено было считаться с религией «освободителей». В 768 г. было повелено построить в столице монастырь и государь пожаловал ему наименование *Даюнь гуанмин* — Великий облачный свет [Кафаров 1877/2001, 74]. Несмотря на строительство манихейских храмов (дабы угодить уйгурам), танское правительство надеялось, что распространение новой религии ограничится иноземцами, т.к. местное население станет рассматривать ее как чуждую форму верований (надежды эти, впрочем, были несостоятельны). В 843 г. обостряется негативное отношение к манихейству — в императорском послании к уйгурскому кагану сообщалось о временном закрытии храмов *Мони* (манихеев), а в качестве причины приводился тот аргумент, что манихейство официально запрещено и считается сугубо уйгурской религией. В это же примерно время происходит убийство семидесяти двух монахинь-*мони* [Кафаров 1877/2001, 74].

Гонения на буддизм и на иноземные религии вообще, проводимые танским правительством, поставили манихейство на уровень *religio illicita* — религии «вне закона». Тот факт, что это вероучение просуществовало в

южных районах Китая и после падения династии Тан, доказывает невероятную адаптивность и гибкость этой системы. В т.н. период Пяти династий (907–960) манихейство оттесняется из центра на периферию (ср. сообщение о манихейском проповеднике (*хулу фаши*), бежавшим из столицы от преследования властей в район Фуцина, собравшем вокруг себя учеников и распространявшем вероучение по территории провинции Фуцзянь [Lieu 1985, 221]). Буддийские хронисты упоминают о возмущении *Мони* в г. Чэньчжоу в 920 г. и о провозглашении ими некоего У И императором (бунт этот был жестоко подавлен властями династии Поздняя Лян [Кафаров 1877/2001, 74]). Имели место волнения при Поздней Тан (повстанцы описывались как демонопоклонники, почитающие свое учение верховнейшей по сравнению с буддизмом колесницей [Кафаров, там же; Lieu 1985, 222]). После падения танской династии и последовавшими за тем смутами и сменой династий манихейство на севере Китая постепенно затухает. Новым центром его активности становится Южный Китай (Фуцзянь и близлежащие провинции), где манихейские жрецы пользуются большим авторитетом как астрологи и маги (так, например, еще в период танской династии им было повелено молиться о дожде [Кафаров 1877/2001, 74; Lieu 1985, 224]).

В период правления сунской династии манихейство (именуемое *минцзяо* — Учение света) завершает процесс «синизации», и его представители совершают свои ритуалы под видом одной из даосских сект [Lieu 1985, 224]. Причина этого заключается в том, что даосизм по сравнению с буддизмом был менее структурирован иерархически и характеризовался доктринальными расхождениями в разных школах. Кроме того, процесс «вливания» манихейства в даосизм объясняется еще и покровительством, которое оказывали последнему раннесунские императоры — тем самым манихейским текстам, вошедшим в даосский свод, была гарантирована сохранность от конфискации. Таким образом в даосский канон в XI веке оказалась включена «Сутра о двух началах и трех периодах» (*Эрицунь саньцзи цзин*), в одном случае атрибутируемая как перевод центральноазиатской версии «Шапуракана», в другом — как альтернативное название «Краткого изложения...» [Lieu 1985, 226]. Хотя говорить о точной дате исчезновения «Сутры о двух началах и трех периодах» не представляется возможным (правда некоторые буддийские историки называли эту сутру неканонической), тем не менее факт присутствия этого произведения в списке даосского канона при южно-сунской династии свидетельствует о том, что манихеи занимали не такое уж нелегальное место в этот период.

Небезынтересна связь манихейства с народными восстаниями, в частности, с восстанием Фан Ла (1120–1122). После подавления восстания чиновники-конфуцианцы в своих отчетах проводили параллель между повстанцами и разного рода сектами (в т.ч. и манихеями), видя во всех событиях отголосок восстания «желтых повязок». Подобного рода

группировки конфуцианские чиновники обычно называли *чицай-шимо*² (букв. ‘есть постное и почитать демонов’); под наблюдение были взяты многочисленные секты различного толка (особенно подозрительными и ведущими к подрывной деятельности считались их полуночные сборища, где вместе с мужчинами принимали участие и женщины, что согласно конфуцианской морали считалось совершенно недопустимым нарушением норм), среди которых можно выделить секту Майтрейи (*Милэ цзяохуй*) и Общество Белого облака (*Байюнь цзяохуй*); обе — буддийской направленности. В регионах, где было сильно влияние манихейства, секты, именуемые *чицай-шимо*, можно идентифицировать как манихеев [Lieu 1985, 234]. В одном из официальных докладов содержится краткое, но вполне достоверное описание нравов приверженцев *минцзяо* (Учения света, т.е. манихейства): приводятся сведения по эртологии (т.е. положения, связанные с празднествами) и иерархии и перечень книг. В другом источнике (автор которого тоже чиновник-конфуцианец) описываются погребальные обычаи *чицай-шимо*, аналогичные центральноазиатским манихейским похоронным обрядам [Lieu 1985, 237–238].

Среди современных исследователей некоторые (Сигэмацу Тосиакэ, Юдзи Мурамацу) поддерживают гипотезу о том, что Фан Ла вполне мог быть лидером манихейской группировки в своей родной провинции (согласно т.н. теории «китайской идеологии восстания» манихейство могло трансформироваться в эту самую идеологию, как синкретические формы христианства — в тайпинское движение) [Lieu 1985, 240]. Во всяком случае, признается тот факт, что Фан Ла определенно находился под влиянием манихейских идей.

Интересно отметить, что при династии Южная Сунн гонения на манихеев продолжаются (как впрочем и нападки со стороны даосов и буддистов), тогда как при монголах (1280–1368) отношение к манихеям гораздо более толерантное (о чем свидетельствует такой факт, как посещение Марко Поло «молельного дома» манихеев в 1292 г. в Фуцзяне. Примечательно, что в период монгольского правления в провинции Цюань на холме Хуабяо было возведено святилище, посвященное Мани, Будде света с девизом — «Чистота, свет, сила, мудрость и Мани, Будда света») [Lieu 1985, 257].

При династии Мин гонения были возобновлены (эдикт 1370 г.), т.к. император Чжу Юаньчжан (сам начинавший как участник секты) посчитал название манихейства «учением света» (*минцзяо*) прямым вызовом девизу его правления — *Мин чжао* (Династия света). Китайский исследователь У Хань предполагает, что секта, к которой принадлежал будущий основатель династии Мин, если не была манихейской, то несомненно находилась под

---

² Относительно иероглифа *мо* в этом выражении, обозначающем демона, можно сказать, что это является не чем иным как слуховой ошибкой, возникшей в результате омофонии первого слога в китайском варианте имени Мани (Мони) и слова «мо» — бес, демон. Что касается первой части (т.е. выражение *чицай* — поедание постного, вегетарианство), то здесь мы видим адекватную передачу манихейских представлений о невкушении мясной пищи.

влиянием этого вероучения [там же, 260–261]. Весьма характерно, что ученые-конфуцианцы того времени знали о манихействе достаточно много и довольно точно отражали факты: приводилось жизнеописание Мани, основные доктринальные положения, давалась этимология (хотя и фантастическая) его имени. Все это еще раз подтверждает такую удивительную «самоидентификацию» китайского манихейства, сохранившегося в Южном Китае приблизительно до 1600 года. Позднее, правда, наименование «Учение света» ошибочно закрепилось учеными-конфуцианцами за несторианством. Тем не менее историки цинской династии еще помнят, что манихейство танского периода не было разновидностью буддизма (хотя, разумеется, немногие ученые связывали его с южнокитайским «учением света»). Что же касается единственного дошедшего до нас материального памятника этой религии в Китае — святилища на холме Хуабяо, — то в начале XX века оно перешло к буддистам, наивно полагавшим, что посвящение *Мони* означает Муни, т.е. Будду Шакьямуни.

5. Из всего вышеизложенного можно сделать вывод о том, что манихейство в Китае представляло собой особый феномен, оказавший так или иначе влияние на общественную и религиозную жизнь страны, что весьма нехарактерно для «трех варварских религий» (несторианства, зороастризма и собственно манихейства).

Узловыми вопросами в исследовании этого феномена следует считать вопрос о процессе инкультурации раннего и позднего манихейства и его ассимиляции (в первом случае с буддизмом и даосизмом, во втором — с народными сектами), вопрос о взаимовлиянии манихейства и автохтонных религиозно-философских представлений, вопрос о месте манихейства и его приверженцев в китайском обществе.

Все изложенные выше факты свидетельствуют в пользу с одной стороны исключительной гибкости и адаптабельности манихейства и способности к конвергенции (что особенно видно в такой самобытно стране, как Китай), а с другой — в пользу того, что манихейство оперировало с такими близкими китайскому сознанию областями как нумерология, астрологические представления, бинарные оппозиции и т.д.

Текст, как мы видим, играет в манихействе ведущую роль, и это особенно видно на китайских манихейских текстах.

ЛИТЕРАТУРА

Кафаров 1877/2001 — *Палладий (Кафаров), архимандрит*. Старинные следы христианства в Китае по китайским источникам. СПб, 1877 (переизд.: Китайский благовестник, №1, 2001, С.36–82).

Смагина 1995 — *Смагина Е.Б.* Манихейство // Религии Древнего Востока. М., 1995.

Смагина 1998 — «Кефалайя» (Главы). Коптский манихейский трактат. Пер. с коптского, исследование, комментарий, глоссарий и указатель Е.Б. Смагиной. М., 1998.

Lieu 1985 — *Lieu S.N.C.* Manichaeism in the later Roman Empire and Medieval China. A historical survey. Manchester, 1985.